

Юрий Колкер

СТИХОТВОРНЫЕ ПЕРЕЛОЖЕНИЯ

АТАКА ЛЁГКОЙ КАВАЛЕРИИ

(Alfred Tennyson, 1809-1892)

Half a league, half a league...

Долина в две мили — редут недалече...
Услышав: — По коням, вперёд! —
Долиною смерти, под шквалом картечи
Отважные скачут шестьсот.
Преддверием ада гремит канонада,
Под жерла орудий подставлены груди —
Но мчатся и мчатся шестьсот.

Лишь сабельный лязг приказавшему вторил.
Приказа и бровью никто не оспорил.
Где честь, там отвага и долг.
Кто с доблестью дружен, тем довод не нужен.
По первому знаку на пушки в атаку
Уходит неистовый полк.

Метёт от редута свинцовой метелью,
Редееет бригада под русской шрапнелью,
Но первый рассеян оплот:
Казачи, солдаты, покинув куртины,
Бегут, обратив к неприятелю спины, —
Они, а не эти шестьсот!

Теперь уж и фланги огнём полыхают.
Чугунные чудища не отдыхают —
Из каждого хлещет жерла.
Никто не замешкался, не обернулся,
Никто из атаки живым не вернулся:
Смерть челюсти сыто свела.

Но вышли из левиафановой пасти
Шестьсот кавалеров возвышенной страсти —
Затем, чтоб остаться в веках.
Утихло сраженье, долина дымится,
Но слава героев вовек не затмится,
Вовек не рассеется в прах.

(1993)

ЛЮБОВЬ

(George Herbert, 1593–1633)

Love bade me welcome. Yet my soul drew back...

Любовь объятья мне раскрыла — в страхе
Отпрянул я: лежал на сердце грех.
Ужель душе, коснеющей во прахе,
Вкусить Любви возвышенных утех?
Но та, что руку мне дала, спросила
С участием: — Что грудь тебе стеснило? —

— Не мне, — воскликнул я, — твои лобзанья!
Неблагодарный пес, убогий тать,
Дерзну ли очи на тебя поднять,
Алкать посмею ль твоего внимания? —
Но та, кем полнилась душа моя,
Промолвила: — Кто судит, как не я? —

— Ты в помраченьи! Совесть, о Создатель,
Гнетёт меня. Позволь забиться в щель! —
Но та в ответ: — Не я ли твой предстатель?
Твою беду пресуществить не мне ль?
Сядь и отведай моего вина. —
И я послушался — и пил до дна.

(1994)

ОТДОХНОВЕНИЕ
(W. H. Davies, 1871-1940)

What is this life if, full of care...

Не чудно ли свернуть с привычного пути?
Отринуть суету, под сень листвы сойти,

Помедлить, поглазеть, на миг с природой слиться,
С рекою, с пастбищем покою причаститься,

Увидеть, как с ветвей бежит пушной зверёк
В траву, где он к зиме орехи приберег,

Как звездами ручьи средь бела дня играют,
Как пританцовывая девушка шагает

Тропинкой луговой: глаза ее блещут, —
Неужто на ее не обернёмся взгляд,

Который милою лукавинкой искрится,
И не дадим устам улыбкой озариться?

Неужто наша жизнь и вправду так бедна,
Что этого всего не ведает она?

(5.08.1995)

ФИЛОСОФИЯ ЛЮБВИ
(Percy Bysshe Shelley, 1792-1822)

The fountains mingle with the river...

Струе источника любезны воды рек,
А рекам — океан безбрежный;
Ветра небесные сплетаются навек
В порыве ласки нежной.
Ничто в отдельности не хочет пребывать.
Всему положено судьбою
Родниться, смешиваться, брать и отдавать, —
Зачем не нам с тобою?

Не втуне ведь Монблан целует небеса,
И две волны, обнявшись, мчатся.
Цветку волшебному бесстрастная краса
И холод — не простятся.
Светило днёвное Земле лобзанье шлет,
Луною — шумный понт волнуем,
Но и любовь планет законность обретет
Лишь с нашим поцелуем.

(12.02.1997)

ВЛЮБЛЁННЫЙ ПАСТУХ
(Christopher Marlowe, 1564-1593)

The Passionate Shepherd to his Love

Услышь мой зов, любовь моя!
Вкусим в блаженстве ты и я
Лугов, долин, холмов и гор
Раздольный вид, волшебный хор.

В зелёных кущах в знойный день
Отыщем благостную сень,
В укромном гроте у ручья,
Услышим трели соловья!

Неоценимую мою
Зеленым миртом обовью!
Для той, которую люблю,
Альков цветами устелю!

Привольный сладостен рассвет,
Пастушьей песни слаще нет, —
Коль этот рай тебя манит,
Пусть нас любовь соединит!

(13.02.1998)

ОСЕНЬ В АНГЛИИ
(Eugene Dubnov, 1949-2019)

1

The dawn chorus — have you noticed — is...

Они пропали. Ни одной не стало!
Прислушайся: рассветный хор умолк.
Попрятались в кустах и рощах. К новой
Весне готовясь, отдыхают, линькой
Болеют... И бутылки, у порога
Молочником оставленные, целы:
Их крышечек неплотную фольгу
Синицы не проклёвывают больше,
Спеша упадок сил восстановить
И выкормить птенцов... И вот — грущу
Без них! Ни разу птиц за их проделки
Не попрекнул я, тонкой плёнки сливок,
Скопившихся под крышкою, пернатым
Изголодавшимся, по девятнадцать
Часов на дню трудящимся, ни разу
Не пожалел, — за счастье почитал
Помочь беднягам выкормить потомство
И на крыло поставить...

2

“O mournful season that enchants the eye!”

Унылая пора! Сказать вам откровенно,
Садовникам она прибавила забот:
Листву, забившую пруды и озерца,
Что в парках городских, на берег выгребают,
В аллеях загородных расчищают путь
К усадьбам, про себя меж делом отмечая,
Что всякому листу положен свой черед.
(«А если кто раствор изобретет,
Чтоб лист сгонять, тот враз разбогатеет...»), —
Так думают, метя.) Каштан, за ним орех
Меж первыми свое убранство отряхнули,
А там уж и платан, болотный кипарис,
Берёза. Только вяз всё держится; палитра
Оттенков жёлтого чудесно хороша
На зелени (за ним проглядывает хвоя).
Хотя и то сказать: важно расположение.
Гол явор, что открыт ветрам, меж тем другой
Еще не облетел — за домом, над рекою.

И год, заметь, на год не выпадет. Каштан,
Три полных месяца свою листву терявший,
Был прошлой осенью, что выдалась морозной
И солнечной, однажды на заре
За три часа раздет — как если бы хитон
Внезапно уронил, и ткань в шуршащих складках
Легла роскошным кругом у ствола.

3

The path is slippery, covered with rotting leaves...

Тропа усыпана подгнившею листвою.
Смотри, не поскользнись!.. А ближе подойдёшь —
Хлопок: из камышей взметнутся куропатки
И низко над водой летят. Гляди им вслед,
Бреди, меси ногой слоящуюся кашу
Багряно-жёлтую, сырую... Чу! Вот слово
Вспорхнуло вдруг... очнулось узнаванье —
Да где уж! Пронеслось, каверну тишины
Оставив за собой — точь-в-точь как электричка
Весёлая, когда вдали умолкнет эхо, —
Но ямку акустическую тотчас
Своим глубоким первозданным плеском
Река наполнит...

4

Necks outstretched, wings vibrant, Whooper Swans

А вот и лебеди... Вытягивая шеи
И крылья распластав, широким вольным клином
Летят — и так отчетливо и чисто
Перекликаются над водной гладью...
Что ж, время зимовать... За тридевять земель
Их вечный дом: в арктической России,
В безлюдной тундре, в заводях, болотах,
У топких берегов невероятных рек,
На север тянующихся, точно руки
Таёжных демонов, в неразличимой
Дали... И — пронеслись. Но вот ещё одна,
А там, гляди, плывет и третья стая —
И кличет надо мной станица снеговая...

(22.03.00)

СМЕРТЬ УМЕРЛА
(Dylan Thomas, 1914-1953))

And death shall have no dominion...

Ты, смерть, потеряла над нами права!
Погибшие, все вы живёте
В молящемся под гефсиманской луной.
Земля поглотила ваш тяготный прах,
Но души ликуют в нездешних садах.
Поникшие, вас возвеличат.
Гонимые, вас обласкает покой,
Почившие, выйдете вы из пучин,
Любившие, ваша любовь воссияет —
И смерти вовек не узнать торжества.

Да, смерть лишена попечительских прав.
Страдавшие, вы не исчезли бесследно.
В мученьях, на дыбе и на колесе,
Поправ палачей, вы воспрянули все.
Впустую вас племя ублюдков терзало:
Пусть дрогнула вера — она не увяла.
Мечтавшие, вы вознесётесь победно
Над миром, конец обращая в начало,
А смерти удел — поражение в правах.

Ты, смерть, умерла, умерла навсегда!
Крик чаек угасшего слуха не тронет,
Страдальца, что пал, не разбудит прибой,
Цветку, что увял, не умыться росой,
Но павший увенчан — и вечностью взыскан,
И к сонму причислен, безумец святой.
Высокая сила сиять вам судила,
Покуда сияет дневное светило —
И смерти вовек не узнать торжества.

(2.08.07)

ИЗБАВЛЕНИЕ
(СОМНАМБУЛИЧЕСКИЙ РОМАНС)
(Federico García Lorca, 1898-1936)

Verde que te quiero verde...

Сердцем вижу тебя в зелёном.
Ветви зелены. Ветер зелен.
Чёлн, раскачиваемый морем.
Конь, оставленный на утёсе.
Ниже талии скрыта тенью,
На балконе она мечтает:
Зелень локонов, зелень пальцев,
Хризолит холодного взгляда.
Обожаю тебя в зелёном
Под луной, цыганской луною.
На неё глазают предметы.
Им она ответить не хочет.

Ветви, вот что люблю я. Вётлы.
Иней. Плещут крупные звёзды.
Звёзды ходят сумрачной ночью,
Отворяют врата рассвету.
Чу! Смоковницу ветер треплет.
Чу! Стволы наждачные трутся.
Холм свернулся хитрою кошкой,
Ощетинился, как агава.
Некто близится — кто? откуда?
Вот сидит она на балконе,
Руки, волосы — вся в зелёном,
Грезит морем, горечью моря.

— Слушай, кум, я коня меняю
На очаг, на кров её дома,
Упряжь — на зеркала меняю,
Нож — на мантиль её меняю.
Кум, бреду я от самой Кабры.
Там я прятался. Кум, я ранен.
— Будь, малой, на то моя воля,
Быстро б дело это решилось.
Да уж я-то не я, и дом-то
Мой — не мой: ни меня, ни дома...
— Кум, позволь умереть пристойно,
У себя, на стальных пружинах,

На голландском белье, в постели.
Иль не видишь? Рана — по горло.
От ребра истекаю кровью.
— Триста маков тёмно-багровых
Вытканы на твоей рубаше.
Кровь струится, ткань набухает.
Кровью фаха твоя пропахла.
Да уж я — не я, да и дом-то
Мой — не мой: ни меня, ни дома...
— Дайте ж мне хотя бы подняться
До высоких перил балкона!
Ах, пустите, дайте подняться
До балкона перил зелёных,
До опор, луной озарённых,
Где вода гремит по железу.

Поднимаются два цыгана,
Поднялись к высоким перилам.
След их кровью мечен, слезами.
Смочен след их слезами, кровью.
Фонари под кровлей дрожали
Черепичною жестяные,
Тамбурины сонмом хрустальным
Отворяли рану рассвета.

Так тебя я люблю: в зелёном.
Ветви зелены. Ветер зелен.
Поднялись гитаны к перилам.
Налетел зефир тихоструйный,
Терпкой смесью ланиты обдал
Горьких трав, базилика, мяты.
— Кум! Да где же она? Ответь мне!
Где твоя девчонка шальная?
Та, что здесь тебя ожидала
Ночь за ночью — и снова будет
Ждать, свежа и черноволоса,
У зелёных перил балкона...

На недвижной воде зеркальной
Чуть покачивалась цыганка.
Зелень локонов, зелень тела,
Мельхиор остывшего взора.
На поверхности водоёма
Месяц держит её перстами.

Ночь внимательна и уютна,
Как опрятный семейный дворик.
Ночь приветлива. С пьяным криком
В двери дома ломится стража.

Я тебя полюбил в зелёном.
Зелень влажной прохладой веет.
Чёлн волной морскою качаем.
Лошадь брошена у вершины.

(7.10.08)

СЛЫШУ КЛЁКОТ

(Авром Суцкевера, 1913-2010, אַברֿהם סוצקעווער)

בשעת כ'האָב מיט פֿאַרמאַכטצ אויגן

Я сочинял — и глаз поднять не мог.
Вдруг — точно пламя на порог шагнуло
И слово со страницы полыхнуло,
Сияющее смыслом слово *Бог*.

А я — поступок мой необъясним
И ужасом насыщен — моментально
Его вымарываю машинально
И слово *Человек* пишу над ним.

С тех пор немотствую. Всю кровь из жил
Взяла незаживающая рана.
И вещей клёкот слышу постоянно:
— Безумец, как же ты продешевил!

(15.05.13)

КАРТАХЕНА

(Luis Carlos López Escauriaza, 1879-1950)

Noble rincón de mis abuelos: nada...

О доблести отцов, об их отваге
Молчат твоих проулков кирпичи.
Не вспомнишь тут времён креста и шпаги,
Эпохи серной спички и свечи.
Ты сник, мой город-крепость! Стены целы,
А блеск бывшего схлынул без следа.
Теперь ты захолустье. Каравеллы
Ушли с твоих причалов навсегда.
Ты встарь геройствовал. В морские дали,
В просторы неосвоенных краёв
Твои питомцы гордые взмывали
Орлами, а не стаей воробьёв.
Теперь — ты сердцу мил, как жили-были,
Как башмаки, что срок свой отслужили.

(27.02.18)

УМИРАЮЩИЙ ОТРОК

(Hugo von Hofmannsthal, 1874-1929)

Das Kind mit fiebernden Wangen lag...

Ребёнок больной в лихорадке лежал.
За окнами золотом день догорал.
К стеклу виноград поспевающий льнул.
Вдруг юноша странный в окно заглянул.

— Ах, мама,пусти же к нам гостя скорей!
Красив он, и глаз я не видел щедрей,
Улыбка его обещаньем полна,
Он кубок целебного держит вина!

Но вот уж и новый пылает закат,
И вновь за окном этот пристальный взгляд.
Он бледен, пришелец, и грозен на вид,
Недобрая губы улыбка кривит.

— Ах, мама, скажи ему, пусть он уйдёт.
Горяч его кубок, в нём яд, а не мёд.
Я силы теряю, я точно в огне.
Улыбка манящая тягостна мне!

— Ах, мамочка, в дом незнакомец проник,
Во сне я к тяжелому кубку приник.
Ты не разбудила, ты не прогнала!
Прощай же! Последняя близится мгла.

(13.06.21)

К ФИЛОМЕЛЕ
(John Keats, 1795-1821))

My heart aches, and a drowsy numbness pains...

В полубеспамятстве, оцепенев
И за сердце схватясь (оно заныло),
Твой, Филомела, слушаю напев —
И сумрачная Лета отступила!
Завиден твой удел, но я томим
Не завистью, а счастьем разделённым:
Твой гений несравним, неизъясним,
Я вечен с ним, я неразлучен с ним
В твоём раю, в Элизии зелёном.

О, ты умеешь жажду утолить! —
Авзонию до края ойкумены
Продлить живительную, окрылить
Вином животворящим Иппокрены!
Благословляй, одушевляй эфир!
С тобою над минутным воцаряюсь,
Тобою полнясь, покидаю мир,
Себя забыв, в Эдеме растворяюсь.

(4.09.21)

КАЗАБЬЯНКА

(Felicia Dorothea Hemans, 1793-1835)

The boy stood on the burning deck...

Командой брошен, парусник пылает.
Одна фигура на борту видна:
Подросток палубы не оставляет,
Ему и канонада не страшна.
— Отец, отец! Я пост мой не покину!
Твой сын приказу верность сохранит! —
Но нет отца. Никто не скажет сыну:
— Спасайся, мальчик! Капитан убит! —
Тела и кровь... Горят обломки реи,
Трещит обшивка, полыхает даль.
А он кричит: — Отец, скажи скорее,
Не кончен ли урок мой? не пора ль?
С достоинством поистине великим
Всё ждёт ответа, строен и красив.
А бой кипит в великолепии диком,
Где за ядром — ядро, за взрывом — взрыв.
Казалось, зарево увязло в звёздах
И лава пожирает небосвод.
Тут флагман-великан взлетел на воздух
С прекрасным юношей, — его черёд...
Наш мир осиротел! Чтоб мы сиротство
Могли, скорбя, уразуметь сполна,
Всепобеждающее благородство
Поёт нам ветер и поёт волна.

(9.11.22)

К ДРУЗЬЯМ-МОСКОВИТАМ

(Adam Bernard Mickiewicz, 1798-1855)

Wy, czy mnie wspominać! ja, ilekroć marzę

Я не забыл! А вы? Тюрьма, изгнанье, казнь —
Судьбины земляков стоят перед глазами,
Но, чуждые, и к вам влечёт меня приязнь,
В родство и дружество душа вступила с вами.

И — вас уж не обнять! Взошёл на эшафот
Свободы паладин Рылеев... Где вы, братья?
По слову Ирода петля пророков ждёт!
Душителей народ, прими мои проклятья!

Не лира и не меч в Бестужева руке,
Ко мне протянутой. Оракул, бард и воин
По манию царя — в оковах в руднике.
Кандальным братством с ним сын Польши удостоен.

Но есть ужасней рок! Есть казнь страшней стократ!
За ласку царскую, за выгоды мирские
Иной и с вечностью не посчитаться рад,
Душой пожертвовать... но разве вы — такие?

Неужто кто из вас царёв триумф поёт?
Над Польшей гибнущей смеётся? Лестью ловкой
Кадит тому, кто кровь в моей отчизне льёт
И, словно подвигом, бахвалится издёвкой?

Из дальних вольных стран — в снега, где правит гнёт,
Вы, песни горечи, станицею летите!
Пусть вострепнётся жизнь, слеза растопит лёд!
Весенним плеском крыл свободу возвестите!

Мой пыл друзьям знаком. Когда я скован был,
Умолк мой глас в когтях державного бандита.
Пред ним я выю гнул, но сердца не открыл.
Для вас — моя душа всегда была открыта.

Да, скорбный мой призыв отравой напоён.
Пусть изверги хлебнут из горькой этой чаши.
Не братьям этот яд, врагам нацежен он,
Губительная смесь разнимет цепи ваши!

А перемётчики — пусть изойдут слюной!
Холуй продавшийся пусть, надрываясь, лает!
Неволю возлюбив, кусает пёс цепной
Ту руку, что с него ошейник снять желает.

(27.07.23)